

Н.С. Кирьянов

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
ул. Белинского, 58, Якутск, 677027, РФ
E-mail: ns_kiryaynov@bk.ru

ЯКУТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ОЙМЯКОНЬЕ (XVII–XVIII вв.) (ИНДИГИРКА, СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ЯКУТИЯ)

Впервые публикуются материалы трех якутских погребений позднего средневековья (XVII–XVIII вв.) — Эбюгэ I–II и Соболах (Нелегер), открытых в ходе работ Международной Саха-французской археологической экспедиции в 2014 г. в Оймяконском районе Республики Саха (Якутия) (бассейн верхнего течения р. Индигирки). До работ экспедиции средневековая (дописьменная) история Северо-Востока Якутии базировалась преимущественно на данных фольклора, топонимики и отдельных архивных документов, согласно которым заселение якутами этих территорий относится, вероятно, к периоду межплеменных усобиц XVI–XVII вв.; археологические памятники этого периода были неизвестны. Анализ предметов и вещей показал их хронологическую и типологическую близость с материалами памятников XVII–XVIII вв. не только Центральной Якутии, но и Вилюя и Верхоянья. Единственным заметным отличием оймяконских памятников от остальных является отсутствие в них погребальной посуды — атрибута практически всех якутских погребений. Это может свидетельствовать о преобладании коневодства (его продуктов) над разведением крупного рогатого скота в этот период в Оймяконе.

Ключевые слова: Оймякон, Индигирка, Северо-Восточная Якутия, Саха-французская археологическая экспедиция, Эбюгэ, Соболах (Нелегер), погребения, якуты.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-033-043

Введение

Оймякон широко известен в России и мире, наряду с Верхоянском, как одно из самых холодных мест на планете (в обиходе — «полюс холода»), где отмечаются аномально низкие температуры, в условиях которых проживает человек. Несмотря на повышенный интерес к истории края сведения о древнем — в особенности дописьменном — ее периоде очень скудны. До 2014 г. здесь были известны всего три стоянки каменного века (Киняс, Кыйымыт и Юбилейный) и два памятника наскального искусства (писаницы Томтор и Малотарынская) [Дьяконов, 2014]. Письменно Оймякон впервые упомянут в 1641 г. в документах Михаила Стадухина как место ясачного сбора с якутов и мемельских тунгусов [Парникова, 1971, с. 40–43]. Фольклорные и топонимические, а также архивные данные указывают, что в средневековье эта территория была освоена эвенками и юкагирами, а первые проникновения якутов в Оймяконье из Лено-Амгинского междуречья относятся, вероятно, к периоду усобиц XVI–XVII вв. (як. *кыргыз уйэтэ*) отдельных представителей борогонских, кангаласских и баягантайских родов [Токарев, 1945, с. 146; ИПРЯ, 1960, § 97–99, 102; Николаев, 1964, с. 182–184; Ксенофонтов, 1977, № 172–173; Серошевский, 1993, с. 212; Боло, 1994, с. 109–122]. В административном плане эти земли исторически входили в состав Баягантайской волости-улуса в качестве отдельного (с 1822 г.) наследного объединения — Оймяконо-Борогонского. Окончательно самостоятельный Оймяконский район выделен в 1931 г. при проведении советской реформы по районированию [Сафронов, 1987].

Таким образом, в археологическом и палеоэтнографическом отношении Оймяконский район по сравнению с другими территориями Якутии остается белым пятном. Материальная культура проживавших и проживающих здесь народов: предметы быта, культура, ритуала и пр. — практически не изучена. Восполнить этот пробел хотя бы частично удалось в ходе работ Международной Саха-французской археологической экспедиции¹ в 2014 г., когда были обнаружены

¹ Данная экспедиция является структурным подразделением Международной ассоциированной лаборатории «Эволюция природы и человека в Восточной Сибири» (COSIE 1029), объединяющей Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск), Красноярский государственный медицинский университет им. В.Ф. Войно-Ясенецкого (г. Красноярск), Российский фонд фундаментальных исследований (г. Москва), Университет III г. Тулузы им. Поля Сабатье (Франция), Национальный центр научных исследований (г. Париж, Франция).

и исследованы три якутских захоронения позднего средневековья (XVII–XVIII вв.) — Эбюгэ I–II и Соболах (Нелегер) [Бравина, 2015].

Описание погребений

Все три рассматриваемых памятника находятся на территории 1-го Борогонского наслега на участке между с. Оймьякон и п. Томтор и географически приурочены к левому берегу верхнего течения р. Индигирки на отрезке между двумя ее притоками — р. Улахан-Чагачаннах (1600 км от устья Индигирки) и р. Куйдусун (1654 км), где лежит обширная равнинно-луговая долина с озерами и со значительным количеством сенокосно-пастбищных угодий. Топографической особенностью данных объектов является то, что они располагаются на трех булгуннях² по одному, за единственным исключением³. Надмогильные сооружения во всех трех случаях не сохранились. В расспросных беседах с местными жителями выяснилось, что булгунняхы зовутся ими *эбюгэ*, что с якутского переводится как «предок» в значении «пращур, прародитель» [Пекарский, 1959, т. II, стб. 1909]. В одной из легенд о заселении якутами северных окраин *Эбюгэ* упоминается как собственное имя одного из предков оймьяконских якутов, который вместе со старшим братом Бордуулаахом в поисках места жительства прибыл в Оймьякон, а далее они ушли на север, в местность Хонуу (ныне — Момский район РС (Я)), где и остались [ИПРЯ, 1960, § 100].

Эбюгэ I

Булгуннях с погребением является самым удаленным от ближайшего населенного пункта — п. Берег-Юрдэ (8,7 км к северо-западу) и расположен вблизи заброшенного детского лагеря (ныне используемого в качестве летника сенокосчиков) и кладбища конца XIX — начала XX в. Могильный провал представлен слабовыраженной западиной вытянутой подпрямоугольной формы 190×80 см, ориентированной в направлении северо-запад — юго-восток. При расчистке могильное пятно не проявилось. На глубине 15 см от дневной поверхности отмечались фрагменты прошитой бересты с орнаментом. Могильное сооружение представляло собой продолговатый листовенничный сруб размером 195–200×50–86×37–41 см из двух прямоугольных венцов, скрепленных «в обло». Сруб ориентирован аналогично провалу. Крышка и днище гроба состояли из трех дощатых плах, а стенки выполнены из ошкуренных горбылей толщиной 5–7 см. Могильная конструкция к моменту работ была очень ветхой, деформированной: сохранилась только головная (западная) часть крышки с необрезанными краями плах и берестяным покрытием. Оставшиеся фрагменты плащаницы состояли из нескольких рядов прошитых между собой сложенных вдвое пластов (размер пласта 20×23 см), идущих друг за другом внахлест с перекрытиями в зоне соединения горизонтальными узкими полосками с традиционным выемчатым (ромбовидным или круглым) орнаментом (рис., 48, 49). В местах швов отмечаются следы березового вара (дегтя), которым промазывали бересту для водостойкости. В центральной части погребения обнаружены медное литое кольцо на кожаной петельке, фиксируемой белой бусиной, с двумя рогообразными ответвлениями, заканчивающимися стилизованными изображениями конских голов (по А.И. Гоголеву) (рис., 24), и синяя пастовая бусина со следами шлифовки. Срубный характер гроба и небольшая глубина залегания (45–55 см) позволяют отнести его к числу наиболее ранних типов традиционных могильных сооружений якутов XIV–XVII вв. [Бравина, Попов, 2008, с. 60–71; Мир древних якутов..., 2012, с. 81–85; Бравина, Дьяконов, 2015, с. 29].

Внутри гроба находился костяк женщины старше 30 лет крупного телосложения монголоидного облика архаичного вида (низкопокатый свод черепа и выраженные надбровные дуги), рост которой составлял около 160 см. Погребенная лежала на спине. Руки согнуты в локтях и покоились на тазу, правая ладонь покрывала левую руку. Ноги были подогнуты под себя и сведены в коленях, колени заметно упирались в северную, ступни — в восточную стенку гроба. Такое трупоположение обусловлено несоответствующими росту женщины размерами гроба (длина внутрикамерного пространства 145 см). Обнаруженное внутри погребения значительное количество личинок трупоедов свидетельствует о летнем времени совершения захоронения.

Головной убор представлял собой капорообразную шапку с длинными ушами, подвязывавшимися на подбородке кожаными тесемками и расшитыми изнутри бисерным орнаментом

² «Булгуннях» (як.) — отличительная разновидность крупных бугров пучения (криогенных положительных форм рельефа) в Якутии [Гляциологический словарь, 1984, с. 57].

³ При раскопках на памятнике Эбюгэ I в 0,5 м от него обнаружилось захоронение новорожденного (выкидыша?) конца XIX — начала XX в., оказавшееся там, по-видимому, случайно, поскольку те, кто проводил обряд погребения, только по незнанию могли совершить его на месте старой могилы [Бравина, 2015, с. 30].

Якутские захоронения позднего средневековья в Оймяконье (XVII–XVIII вв.)...

(як. *дьабака*) [Гаврильева, 1998, с. 29–30] (рис., 33, 34). При завязывании ушей на затылке декор оказывался снаружи. Передняя часть шапки отделана колонком (як. *солондо*), затылочная — конским мехом. Здесь же зафиксирована частично сохранившаяся деформированная медная круглая пластинка (бляха); такие традиционно нашивались на вершину головного убора и выполняли функцию украшения-оберега (як. *туосахта*) (рис., 44). Элементы верхней одежды не сохранились, кроме двух медных колец с рогообразными ответвлениями в виде конских голов, аналогичных ранее найденному, которые являлись ее деталями. Одно из них сломано (рис., 22), а на втором кожаным шнурком сделан двойной узел (рис., 26). Большое количество рассыпанного мелкого разноцветного бисера под костяком позволяет допустить, что наплечная одежда, возможно, декорировалась им со спины. Обращает на себя внимание единственная обнаруженная костяная гирьковидная миниатюрная пуговица (рис., 10); чаще подобные изделия изготавливались из меди или бронзы. Помимо бисера найдены две крупные бусины — белая каплевидной формы (бракованная?) (рис., 3) и синяя пастовая. Светло-синий (голубой) цвет более типичен для изделий XVII в., в последующие столетия большей популярностью пользовалась синяя (темно-синяя) либо черная гамма.

Украшения представлены парой проволочных серег с загнутыми дужками в виде знака вопроса (як. *ытарга*) с нанизанными чередующимися пятью белыми бусинами и четырьмя (?) опоясками из шести черных бисеринки каждый (рис., 16). От левой серьги сохранилась только часть дужки с двумя бусинами и одним опояском (рис., 15). К числу наиболее архаичных якутских украшений относится и бронзовая шейная гривна в виде витого несомкнутого обруча с концами-петельками (як. *кылджы*) (рис., 45), к которым крепилась наспинная подвеска длиной чуть более 30 см из ряда металлических пронизок и пастовых разноцветных бусин, завершающаяся двумя медными литыми кольцами малого диаметра (рис., 46). Несмотря на скромный облик, эта подвеска имеет большое значение. В ней мы видим зачаток практики украшать гривну дополнительными элементами, в XIX в. приведшей к появлению традиционного якутского нагрудно-наспинного облачения *илин-кэлин кэбисэр*. Другое его название — *кылджы быата* (як. «идушая от области гривны веревка») указывает на источник происхождения такого украшения [Саввинов, 2001, с. 37, 44–46]. Под левой рукой находился расслоившийся железный нож в деревянной рукояти (рис., 47). Поминальная пища (тризна) — левая лопатка лошади и три конских ребра, рубленные острым металлическим предметом (пальмой?), положена в ноги.

Эбюгэ II

Булгуннях с погребением удален от п. Берег-Юрдэ на 4,4 км к северо-западу и отличается от остальных наибольшим размером. Могильный провал является западиной продолговатой формы размерами 195×98 см, глубиной 10–25 см, ориентированной по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. Пятно могильной ямы грушевидной формы (230×94–127 см), ориентированное аналогично провалу, проявилось на уровне 10 см от дневной поверхности. Темно-коричневый (бордовый) цвет пятна резко контрастировал со светло-коричневым окрасом галечника, т.е. процесс погребения происходил, видимо, зимой. Берестяное покрытие крышки гроба представляло собой два уложенных друг на друга соразмерных по ширине полотнища: верхнее, лежавшее поперек, 114×85 см, состояло из четырех рядов прошитых пластов, нижнее, продольное, 164×87 см, — из шести рядов. Места соединений пластов нижележащего полотнища закрыты узкими декорированными полосками с выемчатым ромбовидным или круглым орнаментом (рис., 50, 51). Крайние ряды пластов загибались за крышку гроба. После разбора берестяного покрытия на крышке обнаружена сложенная в два оборота веревка длиной 48 см из крученого конского волоса, сплетенная тремя хвостами в косу.

Могильная конструкция представляет собой продолговатый листовенничный сруб размером 215×62–66×30–35 см (глубина залегания 55–60 см), ориентированный аналогично провалу. Состоит из гробовины в виде четырех прямоугольных венцов из ошкуренных тонкомерных жердин диаметром 7–10 см, углы которых рублены «в обло». Внутри гробовины вложен гроб, выполненный из дощатых плах толщиной около 2 см. Днище состояло из четырех жердин.

Внутри гроба находился костяк мужчины 25–30 лет, физически развитого, широкоплечего, принадлежащего к азиатскому антропологическому типу, ростом около 169 см, ориентированный головой на северо-северо-запад. Мужчина лежал на спине в позиции, близкой к полуобороту, прислоненным левым боком к восточной стенке, немного завалившись на правую сторону. Руки чуть согнуты в локтях и покоились на тазу, фаланги пальцев левой кисти собраны «в горсть» и обращены в обратную сторону, к локтевой части. Ноги вытянуты прямо, носки заде-

вали южную стенку гроба. Анатомический анализ костей показал аномальную несомкнутость первого шейного позвонка *атланта*, абсцесс двух премоляров нижней челюсти [Grubézy, 2014, р. 224–225], а также ярко выраженную вертикальную черту в надгубной части черепа — возможный признак сифилитического менингита [Болезни нервной системы, 2003, с. 370–378].

Рис. Материалы якутских погребений позднего средневековья (XVII–XVIII вв.) Эбюгэ I–II, Соболах (Нелегер), открытых в 2014 г. Международной Саха-французской археологической экспедицией в Оймяконском районе Республики Саха (Якутия):
 1, 2, 11, 12, 13, 14, 23, 27, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 50, 51, 52, 53 — Эбюгэ II; 3, 10, 15, 16, 22, 24, 26, 33, 34, 44, 45, 46, 47, 48, 49 — Эбюгэ I; 4, 5, 6, 7, 8, 9, 17, 18, 19, 20, 21, 25, 28, 29 — Соболах (Нелегер).

От головного убора остались только вертикальные следы бисерного орнамента на затылочной части и мелкая бронзовая пронизка с продетым сквозь нее кожаным шнурком (рис., 37). Можно предположить, что, как и в погребении Эбюгэ I, уши шапки были расшиты изнутри и подвязывались либо на подбородке, либо на затылке. Остатки верхней наплечной одежды представлены небольшим куском плотной оленьей кожи мехом наружу с тремя бронзовыми гирьковидными подвесками с синими бусинами (рис., 30–32). Еще четыре бронзовые пуговицы в форме шляпки с прямоугольным ушком (рис., 11–14), а также синие бусины (рис., 1, 2) отмечены в области груди справа. В районе тазовых костей рассыпан (фиксировался в виде прямоугольного следа) бисер белого, синего и темно-синего (черного) цветов, вероятно, от декора набедренного пояса. Рядом обнаружены медное кольцо от натазника (рис., 23) и проржавевшая половинка железной пряжки ремня (рис., 43). Расслоившиеся фрагменты железных предположительно прямоугольной формы (панцирной?) пластины и запястного щитка типа якутского *далсы* (?) лежали на груди.

Сопроводительный инвентарь погребения более выразителен: в ногах лежал перевернутый вверх дном железный клепаный котелок трапециевидной формы (рис., 52) с остатками мясной пищи (тризны?), под ним — железные асимметричные конские удила (рис., 27). У восточной стенки положено традиционное якутское колюще-рубящее оружие *батас* (рис., 53) в деревянной рукояти, длина железного клинка с черенком 62 см. Под батасом — разрозненные части сложносоставного лука длиной 173 см (як. *ох саа*) северного (тунгусо-маньчжурского) типа [Васильев, 1995, с. 66]. Рядом находился плохо сохранившийся колчан из продымленной лосиной кожи (як. *саадах*) с четырьмя ржавыми и расслоившимися железными наконечниками стрел: тремя ромбовидной (рис., 39–41) и одним — шиловидной (усеченно-ромбовидной?) (рис., 38) формы длиной 7–9 см, шестью древками длиной около 60 см (вероятно, изначально было семь стрел). Наконечники относятся к типу плоских черешковых копьевидных безжелезчатых асимметрично-ромбовидной формы [Гоголев, 1993, табл. XXIII, XLVII]. В области левого бедра найдены нож и остаток плети (?) в виде рукояти с железным кольцом (рис., 35, 36). В коленях — колчаный крючок [Васильев, 1995, с. 72] (рис., 42).

В 2014 г. погребение датировано в лаборатории Beta Analytic Inc. (Флорида, США) радиоуглеродным методом 220 ± 30 л.н. (Beta-391538). Калибрование с вероятностью 95,4 % показало три допустимых интервала — 1640–1690 гг. (36,7 %), 1730–1810 гг. (44,5 %) и 1930–1960 гг. (14,2 %)⁴. Мы склонны отдать предпочтение первому интервалу, поскольку это более соответствует обнаруженным археологическим материалам.

Соболох (Нелегер)

Булгуннях удален от памятника Эбюгэ II на 640 м к юго-востоку, от п. Берег-Юрдэ — на 4 км к юго-западу. Название дано по ближайшим топонимам — ручью *Соболох* (як. «карасевое [водоем, озеро]») и озеру *Нелегер* (як. «просторное, плоское [пространство]»). Житель п. Берег-Юрдэ краевед Александр Васильевич Кривошапкин сообщил, что, по легенде, здесь похоронена некая удаганка (шаманка), но конкретные факты ему неизвестны. Могильный провал хорошо различим на поверхности, имеет прямоугольную форму, размеры 227×100 см, глубину до 20 см, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток. На месте провала имелось листовничное (?) корневище высотой 12 см. При расчистке могильное пятно не проявилось. Могильная конструкция представляет собой листовничный ящик-гроб (як. *холбо*) продолговатой формы размерами 205–215×65–72×28–35 см (глубина залегания 65–80 см) из ошкуренных горбылей толщиной 9–11 см — шести продольных, уложенных в три венца, и четырех поперечных — в два, скрепленных друг с другом вставкой подтесанных треугольных концов поперечных стенок в соответствующие пазы продольных. Крышка и днище гроба состоят из трех тесаных плах, крышка без какого-либо наружного покрытия. Дополнительно гроб подпирался четырьмя колышками, двумя с северной и двумя с южной стороны, толщиной 3–5 см. Внизу у южной стенки была положена узкая дощатая плаха длиной 120 см, видимо использовавшаяся в качестве настила при подготовке ямы к погребальной церемонии.

Внутри гроба покоилась женщина 35–45 лет, с приплюснутым лицом, крупного телосложения, частично мумифицированная, ростом 158 см. Неестественно плоская деформация затылка черепа объясняется известной из этнографических описаний быта якутов XVIII–XIX вв. традицией у малоимущих семей класть в младенчестве под голову ребенку деревянную колодку (до-

⁴ При калибровании использовалась программа OxCal v.3.10.

щечку) вместо подушки. Погребенная лежала на спине, голова с опущенной нижней челюстью слегка завалена на правую сторону, левая рука покоилась вдоль тела, правая — на тазу. Ноги с согнутыми коленями разведены в противоположные стороны (растопырены), упирались в боковые стенки гроба, что создает впечатление позы полуприседания. В отличие от погребения Эбюгэ I, подобное нестандартное трупоположение не обусловлено размерами погребальной камеры, поскольку ее длина составляет 187 см. Аналогии такому трупоположению в других якутских погребениях неизвестны. Предполагается, что эта поза могла быть связана с последствиями остеоартроза — затяжного воспалительного процесса большинства суставов. Кроме того, у покойной отмечена флегмона нижнечелюстного отдела (гнойное воспаление левого резца), приведшая к развитию остеомиелита, что, возможно, и послужило причиной смерти [Сгубэу, 2014, р. 263].

Обращает на себя внимание, что верхняя наплечная одежда женщины была надета наизнанку. В этой связи стоит указать на замечание Е.Д. Прокофьевой о случаях использования шаманами при камлании женской наплечной одежды, а иногда своей собственной, бытовой, вывернутой наизнанку [Прокофьева, 1971, с. 6]. В качестве подстилки служила оленья доха (шуба?) до уровня колен, мехом наружу и внутрь, в подголовник в качестве подушки положили свернутый в несколько раз мех росомахи.

Покойная была облачена в вывернутое наизнанку двойное декорированное кожаное пальто с оборкой. Основу составляла тонкая выделанная конская кожа без меха, отороченная с наружной стороны соболиным мехом по краю и декорированная расшитым бисерным орнаментом с гириковидными бронзовыми подвесками (рис., 29). Внутренняя часть пальто от плеч до щиколоток подбита белым заячьим мехом, возможно, в сочетании с оленьим (?), нижняя оторочка шла без подклада. Детали одежды — четыре бронзовые гириковидные пуговицы (рис., 6–9), белая бусина (рис., 4), а также два литых медных кольца с рогообразными ответвлениями в виде конских голов, одно из которых (у правого плеча) предельно схематизировано (рис., 25), а второе (у левого бедра), пришитое наверху к кожаному фрагменту пальто (рис., 28), в точности повторяет облик изделия из погребения Эбюгэ I. И spodняя одежда женщины представляла собой, по-видимому, тонкую короткую рубашку с рукавами выше локтя, натазниками и ноговицами (як. *салдыа*) из выделанной конской кожи без меха. Чулки (носки) из заячьей шкуры мехом вовнутрь доходили до щиколоток. В кожаную обувь были вложены травяные (камышовые) стельки.

Головной убор — зимняя шапка-капор чепчиковидного покроя, комбинированная из четырех полосок. Передняя часть выполнена из меха росомахи, верхняя — из соболя, затыльник — из конской шкуры с меховым покроем, окантовка и внутренний подклад из тарбаганьего (сусличьего) меха. Кантик шапки обшит разноцветным бисером, но выяснить характер орнамента не удалось. Шапки такого типа (як. *бэргэхэ*) бытовали в северных районах Якутии до начала XX в. [Гаврильева, 1998, с. 22–23]. Примечателен факт употребления тарбаганьего меха — в Центральной Якутии считалось, что ношение его женщинами может привести к бесплодию. На шее — замкнутый меховой ворот (боа) из соболиных хвостов (як. *моойторук*).

Из личных вещей отмечена пара классических ушных серег (*ытарга*), состоящих из чередования шести крупных белых бусин и четырех (?) опоясков черного бисера (7 шт.) (рис., 17, 18). Традиционное набедренное украшение *еттук симэгэ* (як.) представлено орнаментированной бронзовой трубчатой игольницей (як. *иннэлик*), увенчанной литым плоским кольцом с точечной выбивкой (рис., 19) и двумя спусками из синих бусин на кожаном шнурке с медными литыми кольцами (рис., 20, 21), пронизкой квадратной формы с двумя белыми бусинами (рис., 5) и расслоившимся железным огнивом (як. *хатат*). Три конских рубленых ребра (тризна) положены под голову, хотя по обыкновению клали в ноги. Под ступнями отчетливо выделялся округлый контур в виде мешковины из соболя диаметром 40 см.

Что касается возможного «удаганского» статуса погребения, то к факту вывернутой наизнанку верхней одежды можно добавить, что в большинстве известных нам версий легенд о предках оймяконских якутов общим моментом является устойчивое высказывание об их явно шаманском происхождении — «Лэбиэрийэ-ойуун» (Лэбиэрийэ-шаман), «шаман Аан Чаачай», «шаман Килгэгэс», а наиболее распространена легенда о женщине-шаманке (в отдельных сказаниях — мужчине) «Бордуулаах» [ИПРЯ, 1960, § 65, 98, 99, 102; Ксенофонтов, 1977, № 172, 173; Боло, 1994, с. 116–122]. Поэтому высказывание «об удаганке», возможно, употреблялось как синонимичное понятию «предок».

Общее и отличное в сравнении с другими погребениями Якутии

По совокупности признаков (ориентация положения тела и гроба, тип внутримогильной конструкции, наличие (отсутствие) берестяного покрытия крышки гроба, характер труположения, облик одежды и украшений, типология сопроводительного инвентаря) погребения Эбюгэ I–II соответствуют традиционным якутским погребениям рубежа XVII–XVIII вв., Соболах (Нелегер) — погребениям XVIII в. (см.: [Константинов, 1971; Гоголев, 1993; Серошевский, 1993; Гаврильева, 1998; Саввинов, 2001; Бравина, Попов, 2008; Носов, 2010; Мир древних якутов..., 2012; Бравина, Дьяконов, 2015]).

Медные литые кольца с рогообразными ответвлениями, заканчивающимися стилизованными изображениями конских голов (Эбюгэ I, Соболах), а также бронзовая шейная гривна (Эбюгэ I) идентичны (по облику, размерам, материалу) изделиям из женского погребения в колоде, обнаруженного в Бердигестяхском наслеге Горного района, датируемого XVIII в. [Гоголев, 1993, с. 110, табл. XXXIII, 4; XXXVI, 1, 5; Бравина, Попов, 2008, кат. № 1, 143]. В работе, посвященной сюжетам парных конских головок в культурах Якутии⁵, А.Н. Алексеев и Э. Крюбези отмечают стилизацию и «грифонообразный вид» этих головок, выделяя такие пряжки в особый тип, наряду с подвеской из местности Долуу Немюгютэ Мегино-Кангаласского района и костюмом из музея с. Оленек Оленекского района РС (Я). Специалисты усматривают в этих предметах свидетельство присутствия в этногенезе якутов хуннского культурного компонента, отдельные элементы которого сохранялись вплоть до позднего времени.

Круглые пластинчатые бляхи (*туосахта*), такие как в Эбюгэ I, регулярно встречаются в погребениях XVIII в. как составная часть головного убора [Бравина, Попов, 2008, с. 107]. Хотя детальная классификация не разработана, данные раскопок последних лет показывают их разнотипность по составу металла — железные⁶, бронзовые (медные) или серебряные; половозрастной принадлежности — мужские, женские или подростковые⁷; размеру — диаметр от 6,1 до 16,5 см; характеру наружной орнаментации или ее отсутствию; оформлению внутреннего кружочка — в виде дополнительно припаянной с наружной стороны миниатюрной бляшки круглой или «шестереночной» формы либо путем ударно-точечной окантовки (также с наружной стороны) и др. Ушные серьги *ытарга* (Эбюгэ I, Соболах) и бронзовые гириковидные пуговицы от одежды *чолчу* (Эбюгэ II, Соболах) представляют собой классический вариант таких изделий и заметных отличий от большинства остальных не имеют (см.: [Гаврильева, 1998; Саввинов, 2001; Носов, 2010; Петрова, Заболоцкая, 2013]). Сделанная из кости гириковидная пуговица (Эбюгэ I) аналогична пуговице из погребения Сэлисэ Нюрбинского района вилюйской группы РС (Я) [Crubézy, 2007, p. 46].

Предметный состав сопроводительного инвентаря погребения Эбюгэ II (железные конские удила, походный клепаный котелок, сложносоставной лук северного типа, наконечники стрел, колчан и колчанный крючок) характерен для целого ряда мужских (и отчасти женских) якутских захоронений XVII–XVIII вв. не только Центральной Якутии, но и отдельных районов вилюйской группы, а также Верхоянья [Бравина, Попов, 2008, кат. № 1; Crubézy, 2010, p. 59–68; 2011, p. 85–93]. Предпринимавшуюся в свое время попытку установить «архаичность», например, железных котелков, ссылаясь на их относительную редкость, можно признать несостоятельной, так как при раскопках последних лет выявлено 22 случая их нахождения в мужских и два — в женских захоронениях конца XVI/начала XVII — середины XVIII в. [Бравина, Попов, 2008, с. 123; Мир древних якутов..., 2012, с. 100]. В известных нам сегодня объектах XIV–XV вв., таких как Атласовское I, Балыктах, Сергелях, Кердюген [Бравина, Дьяконов, 2015, с. 27–28], они не встречены. Обнаруженный в погребении *батас* типологически в большей степени близок к поздним вариациям XVIII в. [Гоголев, 1993, с. 148, рис. 15, а; Васильев, 1995, с. 93, табл. 4, рис. 2], нежели к ранним экземплярам из Балыктаха и Сергеляха [Дьяконов, 2015, рис. 249]. Что касается пуговиц в форме шляпки с прямоугольным ушком, то их появление специалисты связывают с более поздним периодом и влиянием русской культуры и аналоги им мы не встречаем на памятниках ранее XIX в.

Главным отличительным признаком рассмотренных захоронений является отсутствие деревянной погребальной посуды, предназначавшейся для хранения и употребления в быту про-

⁵ Автор благодарит директора ИГиИПМНС СО РАН д-ра ист. наук, проф. А.Н. Алексеева за возможность ознакомиться с рабочим вариантом совместной с Э. Крюбези работы «Сюжеты парных конских головок в культурах Якутии: древность и современность», находящейся в печати.

⁶ Единственный такой случай зафиксирован в погребении Кюереллях I в Верхоянском районе РС (Я) в 2011 г. [Crubézy, 2011, p. 81].

⁷ Погребение подростка в местности Ат-Дабан Хангаласского района РС (Я), обнаруженное в 1996 г. Н.П. Прокопьевым и С.К. Колодезниковым [Фонды МАЭ СВФУ им. М.К. Аммосова, КП-2, 330/3].

дуктов, как правило, из коровьего и реже — кобыльего молока, часто встречающихся даже в самых бедных захоронениях Якутии (наряду с ножом) [Бравина, Попов, 2008, с. 121–122]. Учитывая, наряду с данным фактом, что в качестве тризны в двух (трех?) случаях использовалась конина, можно говорить, видимо, о преобладании коневодства (либо его продуктов) над разведением крупного рогатого скота в Оймяконе в данный период. Это представляется довольно любопытным, так как часть фольклорных преданий связывает происхождение оймяконских якутов с приходом их мифического предка из Центральной Якутии на одном быке [Николаев, 1964, с. 182–184; Оймяконский улус..., 2006, с. 48]. По нашему мнению, это косвенно указывает на сравнительно позднее происхождение таких легенд в сравнении с возрастом выявленных погребений.

Заключение

Рассмотренные погребальные объекты имеют большую научную ценность, поскольку представляют, по-видимому, ранний пласт якутской истории Оймяконо-Индибирского региона и в целом Северо-Востока Якутии. Активные археологические исследования последних лет (2010–2014 гг.), в частности, в Верхоянском и Оймяконском районах РС (Я) не выявили средневековых памятников ранее XVII в. Значительная часть изученных погребений, в том числе арангасные (находящиеся в арктических улусах), относятся к XVIII–XIX вв. (см.: [Бравина, Попов, 2008; Бравина, 2013, 2015; Кирьянов, 2011, 2015]).

Заметный интерес к этим захоронениям вызывает то, что в них погребены явно не рядовые члены общества. Это можно констатировать по следующим наблюдениям: 1) избрание в качестве мест упокоения самых примечательных возвышенностей территории — булгунняхов, причем данные булгунняхы единственные в округе в пределах 1- и 2-го Борогонского наслегов [Топографические карты России..., 2004]; 2) их одиночное («персонализированное») расположение; 3) сохранившийся топоним *эбюгэ* у местного населения; 4) наличие орнаментированных прошитых берестяных покрывал погребений *Эбюгэ* I–II. Последнее обуславливается значительной редкостью березы (наряду с другими лиственными) на северо-востоке Якутии — только 1 % (!) от общей площади распространения северо-восточной подпровинции бореальной растительной зоны (см.: [Тимофеев, 2003; Почвы Якутии, 2009]). За всю историю раскопок раннеякутских погребений региона это только второй случай (первый был отмечен в уже упомянутом захоронении Кюереллях I в Верхоянском районе в 2011 г. [Crubézy, 2011, p. 86]).

Подводя итог, можно заключить, что новейшие данные археологических раскопок якутских погребений Оймяконского района и всего Северо-Востока Якутии (2010–2015 гг.) согласуются в основном с известными нам архивными, фольклорными и топонимическими сведениями и свидетельствуют о заселении якутами северных периферийных окраин на рубеже XVII–XVIII вв. Вещи и предметы из оймяконских захоронений типологически и хронологически близки материалам других погребений Якутии, а отличия не носят принципиального характера.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность д-ру медицины, проф., директору лаборатории AMIS Университета III г. Тулузы им. Поля Сабатье Эрику Крюбези (Pr. Eric Crubézy, University of Paul Sabatier Toulouse III) за возможность публикации материалов данных погребений и использования полевых отчетов экспедиции. Автор признателен д-ру ист. наук, проф., завсектором археологии ИГИиПМНС Розалии Бравиной и научному сотруднику сектора канд. ист. наук Виктору Дьяконову за возможность использования в работе их полевых отчетов и помощь в калибровании даты, сотрудникам МАЭ СВФУ — директору Лилии Алексеевой, замдиректора Александру Степанову, главному хранителю Эдуарду Жиркову, аспирантке СВФУ и докторанту Университета III г. Тулузы им. Поля Сабатье Л.Г. Романовой, канд. ист. наук С.К. Колодезникову за ценные комментарии, замечания и правки при обсуждении этой работы. Фотографии и описание материалов сделаны совместно с Патрисом Жераром (Patrice Gérard) и Сильвией Дюшен (Sylvie Duchesne).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Отчеты

Бравина Р.И. Отчет об археологической разведке погребений позднего средневековья в Верхоянском районе Республики Саха (Якутия) за полевой сезон 2012 года. Рукоп. Якутск, 2013 // Архив ЯНЦ СО РАН. 64 с.

Якутские захоронения позднего средневековья в Оймяконье (XVII–XVIII вв.)...

Бравина Р.И. Отчет о проведении археологических исследований Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в Оймяконском районе Республики Саха (Якутия) в 2014 году: В 2 т. Рукоп. Якутск, 2015 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 42289. Т. I. 140 с.; № 42290. Т. II. 214 с.

Дьяконов В.М. Отчет о работах Якутского отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН на территории Городского округа «Город Якутск» Республики Саха (Якутия) в 2014 году: В 2 т. Рукоп. Якутск, 2015 // Архив ЯНЦ СО РАН. Т. 1. 247 с.; Т. 2. 169 с.

Кирьянов Н.С. Отчет о проведении археологических исследований на территории Верхоянского района Республики Саха (Якутия) в 2010 году. Рукоп. Якутск, 2011 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 44432. 220 с.

Кирьянов Н.С. Отчет о проведении археологической разведки на территории Верхоянского района в 2011 году. Рукоп. Якутск, 2015 // Архив МАЭ СВФУ. 150 с.

Crubézy E. MAFSO. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2007. Rapport (рукоп., на фр. яз.). Université Paul Sabatier (Toulouse), FRE 2960 du CNRS. Toulouse, 2007 // Архив МАЭ СВФУ. 148 р.

Crubézy E. MAFSO — HUMAD. Human adaptation in Verkoyansk. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2010. Rapport (рукоп., на фр. яз.). Université Paul Sabatier (Toulouse III), Laboratoire AMIS-FRE 2960 du CNRS. Toulouse, 2010 // Архив МАЭ СВФУ. 152 р.

Crubézy E. MAFSO — HUMAD. Human adaptation in Verkoyansk. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2011. Rapport (рукопись, на фр. языке). Université Paul Sabatier (Toulouse III), Laboratoire AMIS-UMR 5288 du CNRS. Toulouse, 2011 // Архив МАЭ СВФУ. 150 р.

Crubézy E. HURASIE — 2014. Peuplements HUMains et coévolution homme/milieu en Sibérie et dans la steppe euRASI atique au cours de l'holocène (рукопись, на фр. языке). Université Paul Sabatier (Toulouse III), Laboratoire AMIS-UMR 5288 du CNRS. Toulouse, 2014 // Архив МАЭ СВФУ. 302 р.

Литература

Болезни нервной системы / Под ред. Н.Н. Яхно, Д.Р. Штульмана. 3-е изд. М.: Медицина, 2003. Т. 1. 868 с.

Боло Сэһэн (Дьячковский Дмитрий Иванович). «Лиэнэҕэ нуучча кэлиэн иннинээҕи саха олого: Урукку Дьокуускай уокурук сахаларын былыргыттан кэпсээннэринэн» (на якут. языке) [Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа]. Якутск: Бичик, 1994. 320 с.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: Совокупность отличительных признаков // Сев.-вост. гуманитар. вестник. 2015. № 3 (12). С. 27–32.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.

Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века. Новосибирск: Наука, 1998. 168 с.

Гляциологический словарь / Ред. В.М. Котляков. Л.: Гидрометеиздат, 1984. 464 с.

Гоголев А.И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.

Дьяконов В.М. Археологические памятники Оймяконского района Республики Саха (Якутия) // VIII Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 60-летию образованию Магаданской обл. Магадан, 2014. С. 87–89.

Исторические предания и рассказы якутов: В 2 ч. / Сост. Г.У. Эргис; Под ред. А.А. Попова; Отв. ред. Н.В. Емельянов. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 322 с.; Ч. 2. 360 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 212 с.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 276 с.

Мир древних якутов: Опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / Под ред. Э. Крюбеси, А. Алексеева. Якутск: Изд-во СВФУ, 2012. 226 с.

Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск: Якуткнигиздат, 1964. 204 с.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XX вв. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2010. 96 с.

Оймяконский улус: История, культура, фольклор. Сер. Улусы Республики Саха (Якутия). Якутск: Бичик, 2006. 256 с.

Парникова А.С. Расселение якутов в XVII — начале XX вв. Якутск: Якуткнигиздат, 1971. 152 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М., 1959. Т. I–III. 4658 стб.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // СМАЭ. Л., 1971. Т. XXVII. С. 5–100.

Петрова С.И., Заболоцкая З.М. Народная одежда якутов. Новосибирск: Наука, 2013. 460 с.

Почвы Якутии / Р.В. Десяткин, М.В. Оконешникова, А.Р. Десяткин. Якутск: Бичик, 2009. 64 с.

Саввинов А.И. Традиционные металлические изделия якутов: XIX — начало XX века: (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск: Наука, 2001. 172 с.

Н.С. Кирьянов

Сафронов Ф.Г. Якуты: Мирское управление в XVII — начале XX вв. Якутск: Яггиз, 1987. 127 с.
Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 714 с.
Тимофеев П.А. Деревья и кустарники Якутии. Якутск: Бичик, 2003. 64 с.
Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якут. гос. изд-во, 1945. 416 с.
Топографические карты России: Оймьякон. М 1:200 000. Якутск: Якут. аэрогеодезич. предпр., 2004. 2 с.

N.S. Kiryanov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Belinsky st., 58, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: ns_kiryanov@bk.ru

THE YAKUTIAN BURIALS OF THE LATE MIDDLE AGES IN OIMYAKON DISTRICT (THE 17th–18th CENTURIES) (INDIGIRKA, NORTH-EASTERN YAKUTIA)

For the first time, this paper reports on and describes the data on three Yakutian burials of the Late Middle Ages (the 17th–18th centuries): Ebyuge I-II and Sobolokh (Neleger), discovered during research work of the International Sakha-French archaeological expedition in 2014 in Oimyakon district of the Republic of Sakha (Yakutia) (basin of the upper reaches of the Indigirka river). Before the beginning of the expedition, the Medieval (pre-literate) history of the entire North-East of Yakutia was mainly based on the data on folklore, toponymy, and certain archival documents, according to which the settlement of those territories by the Yakuts, probably, dates back to the period of internecine wars of the 16th–17th centuries. However, certain archaeological monuments of that period were not known. The analysis of the discovered objects and items shows their chronological and typological affinity with the data on the monuments of the 17th–18th centuries, belonging not only to Central Yakutia, but also to its other districts — Vilyuysky and Verkhoyansky. The only noticeable difference of the Oimyakon monuments from the others is its lack of funerary dishes, a usual attribute of almost all known Yakutian burials. This fact could be a result of the predominance of horse breeding (its products) over cattle breeding during that period in Oimyakon.

Key words: Oimyakon, Indigirka, North-Eastern Yakutia, the Sakha-French archaeological expedition, Ebyuge, Sobolokh (Neleger), burials, the Yakuts.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-033-043

REFERENCES

- Bolo Sehen (D'iachkovskii Dmitrii Ivanovich), 1994. *Proshloe iakutov do prikhoda russkikh na Lenu: Po predaniiam iakutov byvshego iakutskogo okruga* [The past of the Yakuts before the Russian inhabitation of the Lena river area], Iakutsk: Bichik, 320 p.
- Bravina R.I., Popov V.V., 2008. *Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' iakutov: Pamiatniki i traditsii (XV–XIX vv.)* [The mortuary rites of the Yakuts: The memorials and traditions (15–19th centuries)], Novosibirsk: Nauka, 296 p.
- Bravina R.I., D'iaconov V.M., 2015. Ranneiakutskie srednevekovye pogrebeniia XIV–XVII vv.: Sovokupnost' otlichitel'nykh priznakov [The early Yakutian burials of 16–17th centuries: A combination of distinctive features]. *Severo-vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3 (12), pp. 27–32.
- Crubezy E., Alexeev A.N., 2012, (ed.). *Mir drevnikh iakutov: Opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoy arkheologicheskoy ekspeditsii)* [The world of the ancient Yakuts: An interdisciplinary research (data of the Sakha-French archaeological expedition)], Yakutsk: Izd-vo SVFU, 226 p.
- Desiatkin R.V., Okoneshnikova M.V., Desiatkin A.R., 2009. *Pochvy iakutii* [The soils of Yakutia], Iakutsk: Bichik, 64 p.
- D'iaconov V.M., 2014. Arkheologicheskie pamiatniki Oimiakonskogo raiona Respubliki Sakha (Iakutiia) [Archaeological monuments of Oimyakon district of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *VIII Dikovskie chteniia: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 60-letiiu obrazovaniu Magadanskoj oblasti*, Magadan, pp. 87–89.
- Emel'ianov N.V., Ergis G.U., Popov A.A., 1960, (ed.). *Istoricheskie predaniia i rasskazy iakutov: V 2 ch.* [Historical legends and stories of the Yakuts], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, Ch. 1, 322 p.; Ch. 2, 360 p.
- Gavril'eva R.S., 1998. *Odezhdna naroda sakha kontsa XVII — serediny XVIII veka* [The costumes of the Sakha people of the late 17th — the middle of 18th centuries], Novosibirsk: Nauka, 168 p.
- Gogolev A.I., 1993. *Iakuty: (Problemy etnogeneza i formirovaniia kul'tury)* [The Yakuts: (An issue of culture formation and ethnogenesis)], Iakutsk: YaGU, 200 p.
- Iakhno N.N., Shtul'man D.R., 2003, (ed.). *Bolezni nervnoi sistemy* [Disorders of the nervous system], vol. 1, Moscow: Meditsina, 868 p.
- Konstantinov I.V., 1971. *Material'naia kul'tura iakutov XVIII veka (po materialam pogrebenii)* [The material culture of the Yakuts of the 18th century (a case study of the burials)], Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 212 p.

Якутские захоронения позднего средневековья в Оймяконье (XVII–XVIII вв.)...

- Kotliakov V.M., 1984, (ed.). *Gliatsiologicheskii slovar'* [The glaciological dictionary]. Leningrad: Gidrometeoizdat, 464 p.
- Ksenofontov G.V., 1977. *Elleiada: Materialy po mifologii i legendarnoi istorii iakutov* [Elleyada: Materials on the mythology and legendary history of the Yakuts], Moscow: Nauka, 276 p.
- Nikolaev S.I., 1964. *Eveny i evenki lugo-Vostochnoi Iakutii* [The Evens and the Evenkis of South-Eastern Yakutia], Iakutsk: Iakutknigizdat, 204 p.
- Nosov M.M., 2010. *Odezhda i ukrasheniia iakutov XVII–XX vv.* [The Yakutian clothes and jewelry of the 17–20th centuries], Iakutsk: YaNC SO RAN, 96 p.
- Parnikova A.S., 1971. *Rasselenie iakutov v XVII — nachale XX vv.* [Resettlement of the Yakuts in the 17 — early 20th century], Iakutsk: Iakutknigizdat, 152 p.
- Pekarskii E.K., 1959. *Slovar' iakutskogo iazyka* [The Yakut language dictionary], vol. 1–3, Moscow, 4658 columns.
- Petrova S.I., Zabolotskaia Z.M., 2013. *Narodnaia odezhda iakutov* [The folk costume of the Yakuts], Novosibirsk: Nauka, 460 p.
- Prokofeva E.D., 1971. *Shamanskii kostiumy narodov Sibiri* [The shamanic costumes of the peoples in Siberia]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR*, vol. XXVII, Leningrad, pp. 5–100.
- Safronov F.G., 1987. *Iakuty: Mirskoe upravlenie v XVII — nachale XX vv.* [The Yakuts: Common administration in the 17 — early 20th centuries], Iakutsk: Iakgiz, 127 p.
- Savvinov A.I., 2001. *Traditsionnye metallicheskie izdeliia iakutov: XIX — nachalo XX veka: (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [Traditional metallic products of the Yakuts: the 19 — early 20th centuries], Novosibirsk: Nauka, 172 p.
- Seroshevskii V.L., 1993. *Iakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniia* [The Yakuts: An ethnographic research], Moscow: ROSSPEN, 714 p.
- Timofeev P.A., 2003. *Derev'ia i kustarniki Iakutii* [Trees and shrubs of Yakutia], Iakutsk: Bichik, 64 p.
- Tokarev S.A., 1945. *Obshchestvennyi stroi iakutov XVII–XVIII vv.* [The social system of the Yakuts of the 17–18th centuries], Iakutsk: Iakutskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 416 p.
- Vasil'ev F.F., 1995. *Voennoe delo iakutov* [The military art of the Yakuts], Iakutsk: Bichik, 224 p.